
О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного архетипа

А. Ф. Прасол

Вводные замечания

По мере углубления наших знаний о происхождении человека и процессе формирования цивилизаций ученых все больше занимает вопрос, как проходило их историческое размежевание и как столь непохожие социальные формации соотносятся между собой сегодня? В настоящее время идет накопление аналитического материала для составления в будущем своего рода социального генома человечества, в котором анализ развития и современного состояния составляющих его цивилизаций должен будет занять центральное место. Данная статья посвящена одному из аспектов этой глобальной проблемы – сравнительному анализу некоторых компонентов русского и японского этнокультурного архетипа. Методологическая основа и понятийный аппарат исследования пока не разработаны, поэтому не удивительно, что аналитических работ такого рода крайне мало. В отечественном японоведении они только начали появляться¹. Японские русисты такой задачи перед собой пока не ставят, хотя некоторые практические наблюдения и замечания об особенностях русского национального характера в их работах встречаются².

Современная наука выделяет Россию и Японию в отдельные цивилизации³, причем обе относятся к числу реципиентных. Японская культура

¹ Кожевников В. В. Противоречия между личностью и государством в двусторонних отношениях между Россией и Японией. – Россия кёкуто тиики но соготэки бунсэки. Гэндзё то тэмбо (Российский Дальний Восток – комплексный анализ современного состояния и перспективы). Нитиро: кёкуто гакудзюцу корюкай, 2001, с. 100–105; Дыбовский А. С. Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах (в печати). [Электрон.ресурс]. Режим доступа: <http://russia-japan.nm.ru>; Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь: элементная база. М., 2004.

² См., например: Тэратани Хироми. Нихондзин то росиядзин – кокога отиган (Японцы и русские: вот в чем главные отличия). Нэсуко, 1990; Игараси Норико. Гэндай росиядзин-но исики кодзо (Самосознание современных россиян). Осака, 1999.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003, с. 54–55.

на ранних этапах формировалась под сильным влиянием индийской и (в большей степени) китайской цивилизаций. В новое и новейшее время решающее значение приобрела западная, евро-американская культура. Россия является прямой наследницей византийской культуры, религии, государственного устройства. Огромное влияние на многие аспекты русской жизни оказала монгольская империя в период ее господства на Руси. После освобождения от татаро-монгольского ига и падения Византии главным культурным донором для России стала Европа. Таким образом, и Россия, и Япония на протяжении всей своей истории получали из-за рубежа плоды научно-технического и культурного прогресса, добытые другими цивилизациями. Вплоть до XX в. сколько-нибудь заметного движения в обратном направлении не отмечалось. В обеих странах заметна тенденция к адаптации и консервации элементов заимствованной культурной традиции – со временем они приобретают национальную окраску и статус символов национального самосознания. Вероятно, это общая черта реципиентных цивилизаций вообще – этнокультурные заимствования в них сохраняются и получают развитие на новой национальной почве и после того как цивилизации-доноры прекращают существование или кардинально меняют свои базовые, основополагающие черты.

Традиционализм японцев, их почтительно-бережное отношение к прошлому общеизвестны и вряд ли нуждаются в дополнительном обосновании. Достаточно сказать, что почти все классические атрибуты современной японской культуры были заимствованы из Китая или через Китай из Индии, адаптированы и сохранены до настоящего времени. Японский философ Нисида Китаро писал, что «для постижения сути японской культуры нужно обратиться к ее истории, изучить основные институты и цивилизационные особенности»⁴.

В России схожая картина. Некоторые западные ученые склонны считать, что русские являются даже более ревностными хранителями и защитниками заимствованных культурных ценностей, чем их создатели⁵. Например, религиозная реформа XVII в. ставила своей задачей пересмотр некоторых чисто формальных обрядовых процедур и приведение их в соответствие с оригинальными византийскими образцами. Однако попытка реформировать ставший уже привычным ритуал привела к глубокому религиозному конфликту и вызвала ожесточенное сопротивление раскольников и старообрядцев, которое длилось более двух столетий и сопровождалось страданиями и человеческими жертвами.

Процесс заимствования культурных ценностей в обеих странах проходил хотя и неравномерно, со сменой цивилизаций-доноров, но

⁴ Moore Charles A. The Enigmatic Japanese Mind. The Japanese Mind. Essentials of Japanese Philosophy and Culture. Charles E. Tuttle Company, 1967, p.295.

⁵ Richmond Yale. From Nyet to Da. Understanding the Russians. Intercultural Press Inc., 1986, p.33.

постоянно, на протяжении всей русской и японской истории. И в России и в Японии культурные иноземные инновации усваивались не механически, а накладывались на местный этнокультурный субстрат. В Ямато его основу составлял культ предков *синто*, в древней Руси – язычество. Обе исконные религии и сегодня занимают важное место в национальном самосознании и поведенческих стереотипах русских и японцев. В Японии это проявляется главным образом в сфере обрядового ритуала, в России – в удивляющей иностранцев вере в приметы, сверхъестественные силы и чудеса.

Таким образом, общецивилизационные особенности формирования русской и японской культурной традиции демонстрируют наличие некоторых сходных черт.

Присутствуют они и в более частных категориях, определяющих особенности этнокультурного архетипа русских и японцев. Так, например, для обеих социальных систем характерен государственный патернализм, при котором правительству отводится роль главного регулятора общественной жизни. Однако по своему содержанию российский патернализм и японский патернализм существенно различаются, о чем подробнее будет сказано ниже.

Русские и японцы с одинаковым трепетом относятся к национальной культуре, считают ее духовным фундаментом своего физического существования. Они примерно одинаково понимают выражение «в его (ее) жилах течет русская (японская) кровь», и те и другие плохо относятся к соотечественникам, уехавшим из страны и забывшим родной язык и культуру. Многие японцы-эмигранты, как и русские, завещают похоронить себя на родине. И в России, и в Японии существует общественное движение в защиту национальной духовной культуры и тревога за ее будущее. Возможно, именно этим объясняются парадоксальные на первый взгляд результаты опроса, проведенного в разных странах в начале XXI в. При всей любви к национальной духовной культуре общественное сознание России и Японии отличается пониженным чувством гордости за свою нацию. При среднемировом показателе, равном 84%, чувство гордости за свою страну испытывают 67,5% русских (62-е место в мире) и 54,2% японцев (71-е место)⁶. Вероятно, высокая оценка национальной духовной культуры не соответствует в глазах большинства населения тому статусу, который имеет его страна на мировой арене. В пользу такого толкования говорит тот факт, что первые 14 мест в мировом рейтинге заняли развивающиеся страны (первое – Египет, второе – Филиппины, третье – Вьетнам и т. д.), а среди развитых стран выше всех оказалась единственная сверхдержава – США, занявшая 15-е место. Очевидно, для респондентов основным критерием был не соб-

ственно уровень национальной культуры, а его соотношение с военно-политическим и экономическим влиянием своей страны в мире.

В классическом варианте русского и японского архетипа интересы группы (общины, мира, собора) превалируют над индивидуальными интересами, а обязанности членов группы ставятся выше прав, что отличает русское и японское правосознание от евро-американского. Как частный случай – всеобщий порядок и спокойствие считаются более важными, чем индивидуальные права и свободы. Западное право предполагает определенное противоречие между законодательной нормой и устремлениями отдельной личности. Закон сформулирован, провозглашен и доведен до всеобщего сведения. После этого он применяется механически и неизбирательно, ко всем без исключения. Японцы добавляют к этому один существенный момент: чтобы быть эффективным, закон не должен противоречить интересам многих людей. По их логике, введение сухого закона в США в 1919 г. не имело никакого смысла, так как спрос на спиртное был в обществе огромный. В 1960 г. в Японии был принят Закон об организации дорожного движения, но еще несколько лет после этого он применялся весьма своеобразно. Эпизодические кампании по безопасности движения имели место, но никаких специальных мер наказания и контроля полиция не принимала⁷. Они появились только после того, как растущее число дорожных инцидентов показало, что автомобиль – не только несомненное общественное благо, но и средство повышенной опасности.

Японские законы кажутся европейцам и американцам собранием расплывчатых сентенций, которые невозможно применить на практике. Японцы возражают: многообразие жизни нельзя вместить в статьи и параграфы, рассмотрение любого дела требует соблюдения не буквы, а духа закона, а для этого необходим полный и всесторонний учет сопутствующих обстоятельств.

Для русского менталитета характерно своеобразное и, мягко говоря, облегченное отношение к законодательной и процедурной норме. Оно отразилось во множестве крылатых выражений вроде «судить будем по закону или по совести?», «главное – чтобы человек был хороший», «закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло» и т. д. Если есть единодушие в коллективе, и чувство справедливости торжествует, то зачем закон? Строго говоря, легализма западного типа и независимого судопроизводства в российском обществе не существовало никогда – ни до, ни, тем более, после революции. В начале 60-х годов в Советском Союзе появились первые валютные спекулянты. Строго по закону их должны были осудить и заключить в тюрьму, однако инспирированное партийными СМИ общественное мнение потребовало для них

⁶ Такахаси Тору. Нихондзин-но катикан. Сэкай ранкинг (Моральные ценности японцев. Мировой рейтинг). Токио, 2003, с. 72–74.

⁷ Takeyoshi Kawashima. The Status of the Individual in the Notion of Law, Right and Social Order in Japan. – The Japanese Mind / Charles A. Moore. p. 267–268.

смертной казни за самое тяжкое по тем временам преступление – посягательство на интересы всемогущего государства. На встрече с Генеральным прокурором СССР Н. С. Хрущев с безапелляционностью дилетанта заявил, что не люди существуют для закона, а закон для людей, и если он недостаточно хорош, то это надо исправить⁸. Закон исправили, и спекулянтов расстреляли. О том, что в СССР юридическое право было повсеместно заменено «телефонным правом», сегодня широко известно.

Среди последних примеров «работы с законом» – случаи с приговорами Александре Иванниковой и Олегу Щербинскому. В 2004 г. на Александру Иванову поздним вечером в машине напал водитель такси. Под угрозой изнасилования она сумела ударить его перочинным ножом в ногу и убежать. Удар пришелся в артерию, нападавший умер от потери крови, и суд признал Иванову виновной в убийстве. Водитель личного автомобиля Олег Щербинский стал участником аварии, в которой погиб губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов. Многие говорили о том, что в трагедии был виновен водитель губернатора, но он и охранник губернатора также погибли. После долгих проволочек и колебаний Олег Щербинский был признан виновным в нарушении правил, приведшим к гибели трех человек. Ни Иванникова, ни Щербинский не признали себя виновными, приговоры вызвали большой резонанс в СМИ и российском обществе. По стране прокатилась волна протестов, началось движение в защиту подсудимых, после чего оба приговора были отменены судами вышестоящих инстанций, а обвиняемые освобождены. В обоих случаях сработали такие стереотипы, как привычка оглядываться на общественное мнение и стремление к социальной справедливости, в равной мере свойственные как русскому, так и японскому менталитету. Как показывают опросы, в обеих странах примерно одинаковое число людей, которые считают, что в своих действиях человек должен учитывать интересы и ожидания окружающих: в России – 46,9%, в Японии – 50,3% (для сравнения: в США – 33,4%, в Германии – 21,9%)⁹. Для России эти два случая имеют особое значение – впервые после многих десятилетий забвения и социальной апатии прозвучал голос общественности в защиту справедливости, и он был услышан.

Как и в правосознании, в мироощущении русских и японцев есть не только сходные черты, противопоставляющие их евро-американской культуре, но и существенные отличия. И русские, и японцы в познании окружающей действительности больше полагаются на интуитивно-чувственное, морально-оценочное восприятие событий и явлений, чем на рационально-логический анализ западного типа. Для русских и японцев гармоничные межличностные отношения в коллективе (впрочем,

понимаемые по-разному) важнее западного легализма с его строгой процессуальностью, они могут конкурировать даже с материальной выгодой. Отсюда повышенное внимание к справедливости при решении тех или иных вопросов, равнонаправленности в распределении общих благ и т. д. И русские и японцы более склонны подстраиваться под реалии складывающейся макро- или микроситуации, чем активно изменять ее в своих интересах. Поэтому в базовых поведенческих стереотипах они часто демонстрируют сходные черты: осторожность, консерватизм, почтение к прецеденту.

Отличие заключается в том, что русские более склонны к консервации сложившейся ситуации и доведения ее до состояния, при котором она стремится к спонтанному и неконтролируемому саморазрешению. В значительной степени это свойство русского архетипа объясняется нежеланием и неумением планировать свои действия далеко вперед. Оно продиктовано особыми географическими, климатическими и социальными условиями формирования менталитета крестьянской общины (мира) – основного донора современного русского архетипа. Для японцев, наоборот, характерно тщательное планирование своих действий, отслеживание малейших изменений в ситуации и принятие множества оперативных решений по ее улучшению (*кайдзен* «усовершенствование») – ключевое понятие в деятельности такого рода.

Для сравнения культурных моделей разных этносов удобно различать три уровня анализа: цивилизационный, государственный (социально-политический) и индивидуально-личностный (поведенческий). На цивилизационном уровне рассматриваются наиболее общие характеристики данной культуры, предопределяющие ее выделение в отдельную цивилизацию. Социально-политический уровень понимается как набор черт и признаков, отличающих государственную и общественную организацию данного этноса. На индивидуально-личностном (поведенческом) уровне анализируются наиболее значимые особенности бытового менталитета, мироощущения и этнического самосознания представителей данной цивилизации, определяющие основные черты их поведенческих стереотипов. В реальности все три уровня органично синтезированы в рамках каждой этнокультуры. Их выделение носит абстрактно-логический характер и является вспомогательным приемом для описания объекта исследования, под которым в данной статье понимается современный русский и японский этнокультурный архетип – неотъемлемый элемент национальной и государственной самоидентификации, утвердившейся в обеих странах в течение последних двух столетий.

При движении от вышележащего к нижележащему уровню анализа в русском и японском архетипе число сходных черт уменьшается, а число различий растет. Если общецивилизационная характеристика русской и японской культуры обнаруживает сходные черты, которые позволяют противопоставлять их евро-американской цивилизационной

⁸ *Richmond Yale*, From Nyet to Da..., с. 87.

⁹ *Takahasi Toru*. Нихондзин-но катикан. Сэкай ранкингу, с. 105–106.

модели, то уже на социально-политическом уровне о сходстве русского и японского архетипа приходится говорить с большими оговорками.

Выше говорилось о патернализме государства, его главенствующей роли в жизни российского и японского обществ. Однако его характер в двух странах далеко не одинаков. Японское общество часто рассматривают как иерархию социальных групп, в которой высшую ступеньку занимает государство. Оно отвечает не только за оборону и международные связи, но и контролирует сферу социального обеспечения, образования и воспитания, перераспределяет доходы в пользу малообеспеченных граждан и т. д. Иными словами, государство выполняет регулирующую и контролирующую функцию в национальном масштабе. Оценивая работу своего правительства, японцы задают вопросы: справедливо ли распределяются средства в обществе, эффективна ли система социального обеспечения, хорошо ли учат в школах и университетах, развивается ли транспортная инфраструктура и т. д. Благодаря социально ориентированной системе распределения доходов Япония занимает первое место в мире по их среднему уровню на душу населения (181 тыс. долл.), обогнав по этому показателю США на 25%, а Германию – почти в 3 раза¹⁰. Как говорят американцы, в Японии «большое государство».

В России оно тоже «большое» и имеет примерно тот же набор функций. В чем различия? Они весьма глубоки и объясняются, прежде всего, спецификой географических и социально-политических условий, в которых проходило становление государственности в России и Японии. На протяжении всей своей истории, вплоть до второй мировой войны Япония не знала иностранных вторжений и не испытывала внешнего силового воздействия на ход исторического развития. Две попытки монголов в XIII в. высадиться на Японский архипелаг закончились неудачей. Опыт захватнических войн самой Японией за рубежом исчерпывается тремя военными кампаниями: 1) боевые действия на Корейском полуострове на стороне Пэкче против Силла и Тан в 663 г.; 2) поход Тоётоми Хидэёси в Корею в конце XVI в.; 3) азиатская военная экспансия в первой половине XX в.

После прекращения междоусобных войн и объединения страны в начале XVII в. японское правительство приступило к совершенствованию методов гражданского управления в центре и на местах. Во главу угла была поставлена организационно-хозяйственная и контролирующая функция власти. Поощрение торговли и ремесел, обучение провинциального самурайства из удельных княжеств и подготовка кадров для центрального аппарата, поддержание порядка в городах стало важнейшей и долговременной задачей *бакуфу*. Островное положение страны и политика самоизоляции не требовали от правительства и удельных княжеств специальных мер по обороне границ. Внутренние

военные акции против непокоренных северо-восточных племен носили эпизодический характер и не отличались масштабностью. Согласно конфуцианскому учению первой заботой любого правителя должно быть благо подданных, а второй – их воспитание. Поэтому в Японии на протяжении столетий оценка центральной и местной власти определялась, прежде всего, сопутствующим ей по времени ростом благосостояния населения и общим благополучием дел.

Россия же воевала с соседними кочевыми и оседлыми народами беспрестанно, подвергалась нападениям и нападала сама, теряла свои земли и завоевывала новые. Это сделало военно-оборонительную функцию первой и главной в числе задач государственной власти. Огромная территория, многонациональный состав населения и подвижность границ закрепили эту особенность и добавили к числу главных функций полицейскую – поддержание порядка и подавление внутреннего сопротивления. Согласно некоторым подсчетам, начиная с X века в России на один год мирной жизни приходилось два года войны, т. е. 2/3 своей истории Россия провела в войнах. В нашей стране правителей всегда оценивали по двум главным критериям: насколько он расширил территорию государства и укрепил его в военном отношении. Не случайно к великим русским государям неизменно причисляют Петра Первого и Екатерину Вторую – при них военные победы и территориальные завоевания были особенно значительными. А упоминая правление Ивана Грозного, непременно отмечают покорение им Казанского ханства в 1552 г.

Военный аспект национальной истории и роль государства – один из наиболее контрастных критериев, различающих Россию и Японию. В силу своей значимости он породил целые пласты общественно-политических различий в организации жизни в двух странах. Так, например, для японского менталитета в высшей мере характерно стремление обеспечить преемственность в развитии страны и избежать крайних проявлений конфликтности в переломные моменты истории. По японским представлениям, смена исторических этапов должна проходить по возможности мягко и безболезненно, без насилия и репрессий. И японская история дает множество таких примеров.

Военное сословие, отстранившее от власти хэйанскую аристократию во главе с императором в конце XII в. лишило ее экономического могущества, но не уничтожило физически и сохранило приемлемые условия жизни. Военные лидеры Тайра Масакадо, Минамото Ёситомо и Минамото Ёсинака, захватив власть, даже не помышляли занять место императора и основали собственную столицу на более чем почтительном удалении от старой. В течение семи веков в стране существовало фактически два центра власти: один – реальный в Камакура, а затем в Эдо, второй – символический в Киото.

¹⁰ Известия. 07.12.2006, с.10.

В 1868 г. император вернулся на законный трон, и снова смена власти прошла довольно мирно: последний *сёгун* Токугава Ёсинобу (1837–1913) отказался от вооруженной борьбы под давлением общественного мнения. И это несмотря на трехкратное превосходство в живой силе и готовность сторонников *сёгуна* драться до конца. В этот исторический момент решающую роль сыграли моральные факторы: 1) стремление избежать полномасштабной гражданской войны; 2) боязнь превратиться из правителя в мятежника. Узнав, что защитники императора подняли парчовый штандарт, символ высшей государственной власти, *сёгун* не только покинул рвущееся в бой войско, но и обезглавил его, забрав с собой двух военачальников, братьев Мацудайра. Компромиссы на этом не закончились. После отречения Токугава Ёсинобу его дальнейшая судьба решалась за столом переговоров в Малом дворце. Победители смягчили первоначальные требования и пошли на серьезные уступки. Было решено, что *сёгун* лишается только высших постов и должностей, а второстепенные будут оставлены. Кроме того, в 2 раза была снижена доля отчуждаемых у него земельных угодий.

Стремление к консолидации властной элиты в этот переломный момент японской истории не может не удивлять. В течение 30 лет после реставрации Мэйдзи все удельные князья, боровшиеся против императора, получили от него высшие дворянские титулы и участвовали в управлении страной. Единственным исключением оставался бывший *сёгун*. Он жил личной жизнью, оставался в тени, и все время откладывал визит к императору. В 1898 г. он, наконец, решился посетить императорский дворец. Формальная встреча двух правителей завершила процесс примирения аристократии и воинского сословия. Вскоре Токугава Ёсинобу получил титул герцога и формально вошел в состав высшего дворянства¹¹.

Для русского менталитета более характерна бескомпромиссность, поэтому в политической борьбе побежденному, как правило, не приходится рассчитывать на великодушие победителя. Судьба последнего российского императора Николая Второго и его семьи – яркий, но не единственный пример. Бескомпромиссная борьба с идейными и политическими противниками вплоть до физического уничтожения широко практиковалось в России и до, и после революции 1917 г. Гражданская война 1918–1922 гг. также отличалась крайней жестокостью.

Другая важная черта российских реформ и преобразований, не свойственная японцам, – стремление к кардинальному слову всех предшествующих реформ и возведению на их обломках совершенно новых. Это качество, вероятнее всего, сформировалось за последние пять столетий, когда по мере быстрого расширения границ империи русские часто оказывались в роли первопроходцев на новых землях.

¹¹ *Сиба Рётаро*. Последний сёгун. Жизнь Токугава Ёсинобу. М., 2000, с. 202, 210, 211.

Только за годы столыпинской реформы из центральных районов в Сибирь переселилось более 3 млн. крестьян. Возможности использования прошлого опыта в таких случаях обычно ограничены, и первооткрывателям приходится полагаться больше на смекалку и сообразительность. Такие черты русского характера, как нелюбовь к однообразным длительным усилиям и склонность к реформенному радикализму также играют немаловажную роль.

Реформа в японском понимании представляет собой последовательный и постепенный процесс, направленный на изменение существующей ситуации, с непременными остановками, оценкой промежуточных результатов и внесением необходимых коррективов¹².

Отмеченные различия в значительной мере продиктованы разными взглядами на сущность таких категорий, как общественная гармония и общественная целесообразность. Принцип гармонии (*ва*) является ключевым для японского культурного архетипа. Он был изложен в первом параграфе известного «Уложения» Сётоку Тайси из 17 статей, составленного в 604 г.: «Следует ценить согласие, и отсутствие духа мятежности должно составлять основу... Когда верх демонстрирует согласие, а низ – дружелюбие, всегда существует взаимное понимание в обсуждаемых делах, они движутся сами собой»¹³. В отличие от Японии в России соображения целесообразности чаще брали верх над стремлением уладить вопрос мирным путем и с наименьшими потерями. Последовательность и бескомпромиссность в борьбе считается одной из отличительных черт русского национального характера, которая не раз выручала в войнах с захватчиками, но усложняла решение внутренних конфликтов.

В 1995 г. в 23 странах был проведен опрос, давший интересные результаты. На вопрос о том, какая функция государства важнее – гарантия общественного спокойствия или личных свобод граждан – в пользу первой высказалось 67% японцев и 42% русских¹⁴. Эта разница поставила японцев на второе, а русских – на двадцать первое место среди 23 стран. В России, прошедшей в XX в. через три революции, одну гражданскую и две мировые войны, голод и массовые политические репрессии, устранение общественных недостатков революционными мерами прямо поддержали всего 9,7% опрошенных (7-е место). А в Японии, не знавшей столь масштабных потрясений, таковых оказалось в 4 раза меньше – 2,7% (22-е место)¹⁵. Таким образом, в решении социальных

¹² *Такэути Ясуо*. Нихондзин-расиса то ва нани ка (Что значит быть настоящим японцем?) Пи-Эйч-Пи бунко, 2000. с. 42–44.

¹³ Нихон сёки (Анналы Японии). СПб, 1997, т.2. с. 94.

¹⁴ Сэкай нидзю санкакоку катикан дэта букку (Данные опросов населения в 23 странах мира). Доюкан, 1999. с. 28.

¹⁵ Там же, с. 24.

проблем по признаку «компромиссность – бескомпромиссность» русские и японцы при сравнении с другими нациями оказываются едва ли не полными антиподами.

В основе как русского, так и японского культурного архетипа лежат психология и мораль сельской общины, являвшиеся до недавнего по историческим меркам основой формирования национального характера и менталитета. Однако глубокие различия в исторических условиях формирования последнего обусловили тот факт, что отличий и несовпадений в менталитете русских и японцев гораздо больше, чем общих черт. Объем статьи позволяет коснуться здесь только двух аспектов – отношение к религии и коллективизма.

Религиозность

Россия и Япония заимствовали свои основные религии извне, в обеих странах они наложились на местные религиозные представления, поэтому религиозное мироощущение обоих этносов имеет синкретический характер. В Японии степень синкретизма намного выше (буддизм, синто, конфуцианство, даосизм), чем в России (православие и язычество), что с избытком компенсируется современной поликультурной профессиональностью. Кардинально различаются отношение к религии и занимаемое ею место в жизни общества. По данным опросов, в Японии число верующих составляет около трети населения, около 80% из них считают себя буддистами¹⁶. Отношение к религии в целом довольно легкое и необременительное. Среди всех процедур, относимых японцами к религиозной деятельности, самой популярной является посещение могил предков – регулярно это делают 70% японцев, в том числе 57% неверующих¹⁷. Далее по убывающей следуют: покупка в храмах охранных амулетов (33%), обращение к божествам с разными житейскими просьбами (28%), загадывание желаний и предсказание судьбы (*омикудзи*, 22%), редкое участие в богослужениях (14%), постоянное участие в богослужениях (13%), редкое чтение религиозных текстов (7%). Еще 9% японцев не делают ничего из названного выше¹⁸, т. е. являются чистыми атеистами даже по японским меркам. Интересно, что и к таким опосредованно религиозным атрибутам, как амулеты, просьбы о милостях и угадывание судьбы, прибегает абсолютное меньшинство населения, что говорит о вполне реалистичном отношении японцев к небесным силам. В то же время 46% японцев, в том числе

каждый четвертый атеист убеждены, что для счастья в жизни религия необходима¹⁹.

Японская культура обладает удивительной способностью примирять и объединять разные религиозные идеи и принципы. Согласно религии *синто*, японский император является прямым потомком богов и должен править вечно. Конфуцианство же учит, что правитель не имеет вечного статуса, его правление временно. Восприняв конфуцианство в целом, японцы исключили не устраивающий их пункт о правителе. Буддизм и *синто* они примирили по-другому, объявив синтоистских богов множественными воплощениями Будды.

Светская и религиозная власть, светская и религиозная деятельность всегда существовали в Японии раздельно, а в немногочисленных точках соприкосновения последняя занимала подчиненное положение. Даже в средние века, когда буддийская мысль достигла высокого уровня развития, ее влияние на светскую жизнь оставалось незначительным. Военачальники часто прибегали к советам ученых монахов, но никогда не клялись им в верности и не защищали их интересы, как это было, например, в Индии с мудрецами гуру. В Японии церковь и религия не освящали устои общественной морали и нравственности подобно христианству в России и Европе. В Японии нравственное воспитание всегда осуществлялось в рамках школьного обучения без прямого влияния церкви. Такое положение сложилось уже к завершению мирного объединения страны в начале XVII в. Позднее при правительстве *бакуфу* было создано специальное управление по делам буддийских и синтоистских храмов (*сядзи бугё*), контролировавшее их деятельность.

Слабость религиозного чувства подчеркивает важнейшую особенность японского культурного архетипа – приземленность, конкретность и утилитарно-практическую направленность мышления, вторичность любых идейно-теоретических установок по сравнению с практической деятельностью человека, его общественными связями и положением²⁰. Экстремальные формы религиозного культа, связанные с уходом от реальной жизни, в целом нехарактерны для Японии. Правда, закрытые секты такого рода существуют, но в них всегда присутствует обязательный для японского архетипа элемент – безграничная преданность членов секты групповым интересам и ее персональному лидеру. Идейно-религиозная деятельность закрытых сект опирается на мощный фундамент социальных связей – самого прочного японского материала.

В целом японцы относятся к религии терпимо, гибко и прагматично – любая религия хороша, если помогает в практической жизни. Но глубоких чувств к ней не испытывают: религиозным организациям доверяет

¹⁶ Нихондзин-но икэн 150 (Мнения японцев по 150 вопросам). Составлено лабораторией по изучению общественного мнения «Июмиури симбун», 1982. с. 233.

¹⁷ Там же, с. 234.

¹⁸ Данные 1993 г. См.: Гэндай нихондзин-но исики кодзо Дайсихан (Самосознание современных японцев). Вып. 4. – Эн-Эйч-Кэй хосо бунка кэнкюдзё, 1998. с. 105.

¹⁹ Нихондзин-но икэн 150, с. 232.

²⁰ Подробнее см.: Hasegawa Nyozeikan. The Japanese Character. A Cultural Profile. Translated by John Bester. Greenwood Press, 1965. с. 27–32.

только 12,5% населения (последнее, 23-е место)²¹. С западной точки зрения, религиозное чувство японцев эклектично, отличается отсутствием сверхценных сакральных идей и тесно связано с социальной этикой.

Совершенно иная ситуация в России. Как и в Византии, православная церковь формально подчинялась светской власти, но имела обширную сферу влияния, в которой у нее не было конкурентов. С ее силой не могли не считаться даже монархи, поскольку на Руси всегда верили, что царская власть от бога. Церковь освящала их браки, короновала, определяла сакральный ритуал и вообще легитимизировала действия светской власти в глазах верующих. Она была вторым крупнейшим землевладельцем в стране и обладала мощной материальной базой, принимала активное участие во всех общественно значимых событиях. В течение многих столетий глубокая набожность почиталась на Руси величайшей добродетелью (в том числе и для царей), а усердная молитва считалась лучшим средством для решения любых проблем. Многовековое противостояние с католицизмом обострило религиозное чувство, усилило его конфессиональную закрытость и нетерпимость к иноверцам. Параллельно с возвышением имперской власти в России росли авторитет и амбиции власти духовной, которая стала претендовать на гегемонию среди православных народов. Таким образом, русское религиозное сознание постепенно приобрело качества, совершенно нехарактерные для японского мироощущения.

Понимая значение религиозного культа в жизни российского общества, большевики после 1917 г. умело использовали традицию в своих интересах. Церковь репрессировали, а ее место заняла КПСС. Вместо учения Христа в умы рабочих и крестьян тотальными методами внедрялась коммунистическая идеология, она была объявлена единственно верной и вечной, как само христианство. Тело отца революции мумифицировали по образцу святых мучеников и поместили в мавзолей, сделав его местом официального паломничества. Статуи, портреты и бюсты Ленина заменили иконы в общественных местах, а в учреждениях и домах культуры появились «красные уголки» с коммунистической символикой. Поэтому партию большевиков можно в известной мере считать преемницей православной церкви, сменившей цель, но не средства идеологической работы с населением.

Несмотря на 70 лет активной атеистической пропаганды, религия продолжает занимать заметное место в жизни россиян. По данным опросов, 54% считают себя приверженцами православия²², а среди всех общественных институтов церковь занимает второе место по доверию

населения (после армии)²³ – в 1995 г. об этом заявили 61,9% россиян²⁴. Признавая равенство всех конфессий, 52,7% всех опрошенных ВЦИОМ граждан, тем не менее, полагают, что православие должно играть особую роль в жизни общества²⁵. Многие атеисты также положительно относятся к православной религии, считая ее важной частью национальной культуры. Сегодня в России заметна тенденция к превращению православия в государственную религию, по мере того как церковь все чаще публично выражает свое отношение к важнейшим событиям светской жизни, формируя общественное мнение. Мода на лояльность русской православной церкви среди политиков катализирует этот процесс.

Коллективизм

При сравнении с евро-американским культурным архетипом, который принимается обычно за точку отсчета западными учеными, русские и японцы, безусловно, попадают в число коллективистов. Однако если отвлечься от существования западной цивилизации, то между ними обнаруживается столько отличий, что впору говорить об антиподах.

Русский коллективизм уходит своими корнями в идеологию крестьянской общины – до начала XX в. крестьяне составляли 90% населения страны. Община (*задруга*, *мир*, *собор*, позднее *артель* и *колхоз*) на протяжении веков являлась основной формой социального существования огромных масс населения. Ее отличительные черты – коллективное владение средствами производства, общий труд и справедливое распределение благ. Николай Бердяев отмечал, что для русского коллективного сознания более характерна озабоченность справедливым распределением результатов труда, чем повышением его эффективности. Общинное понимание справедливости позволяло брать материальные блага и ценности там, где их много, и передавать туда, где их мало. Этим в значительной мере объясняется та легкость, с которой идеи большевиков с их равенством, братством и перераспределением богатств захватили в 1917 г. миллионные массы крестьян.

Другая отличительная черта русской общины – ограничение личной свободы ее членов. Член крестьянской семьи не мог покинуть ее без разрешения отца и сельского старосты, работник артели не имел права работать на стороне, не сообщив об этом товарищам. Традиции классического крепостничества, существовавшие до 1861 г., были восстановлены в колхозном укладе советской власти, когда крестьяне были лишены паспортов и не могли выехать из деревни без разрешения председателя. Собрания сельской общины предполагали консенсус и

²¹ Сэкай нидзю санкакоку катикан дэта букку (Данные опросов населения в 23 странах мира). Дюкан, 1999, с. 95.

²² А. В. Сергеева. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006, с. 188.

²³ Richmond Yale. From Nyet to Da..., 1986. p.30.

²⁴ Сэкай нидзю санкакоку катикан дэта букку, с. 95.

²⁵ Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 442. 04.05.2006.

принятие единогласного решения, которое становилось обязательным для всех. Несогласие рассматривалось как посягательство на общие интересы. В этом истоки последующей тоталитарности советского общества, его нетерпимости к инакомыслию и борьбы с политической оппозицией, диссидентами, «врагами народа» и прочими «отщепенцами»²⁶. Отъезд из страны, любые контакты с заграницей – предательство интересов общины, разросшейся до национального масштаба. И здесь налицо умелое использование советской властью традиций крестьянской общины в политических целях.

В русской общине все равны, духовно близки друг другу, все знают обо всех все, легко вступают в контакты, работают сообща, помогают друг другу, старшие поучают младших и друг друга. Все эти черты присутствуют в поведении современных россиян, даже если они горожане во втором или третьем поколении – срок слишком мал для смены базовых поведенческих стереотипов. Чувство духовной общности, эмоциональная насыщенность межличностных контактов, взаимная заинтересованность друг в друге, моральная поддержка – необходимые условия для того, чтобы русский человек чувствовал себя счастливым. Тип индивидуального поведения современного западного горожанина (независимость, самодостаточность, неприкосновенность), все еще остается чуждым русскому человеку.

Японский группизм также уходит своими корнями в психологию крестьянской общины, но имеет свои отличительные черты. В отличие от России японские группы в большинстве имеют закрытый характер – их члены не отделяют себя лично и свои интересы от интересов группы. В довоенной Японии практически все группы имели закрытый характер, в наше время эта черта медленно ослабевает.

В японской группе существует основанная на возрасте и сроках вхождения в группу иерархия и разделение функций. Члены группы общаются между собой с учетом внутригрупповых иерархических отношений, широко используя систему знаковых отличий (вежливые формы, обращение по должности и т. п.). Общение в японской группе (впрочем, как и вне ее) отличается высоким уровнем межличностных барьеров. Они преодолеваются с помощью многочисленных норм и правил, составляющих основу повседневного этикета. В Японии нужно знать, как правильно обмениваться приветствиями, как принимать и вручать подарки, как входить в чужой дом и покидать его, и многое другое. Усвоение многочисленных этикетных норм составляет важную часть современного японского воспитания, которое в свою очередь обеспечивает высокую этнокультурную гомогенность японского общества и затрудняет вхождение в него представителей иных культур. Когда межличностное и межгрупповое общение проходит по установлен-

ным правилам, оно продуктивно. В отличие от русских, предпочитающих прямое, межличностное общение с элементами юмора, игры и импровизации, японцы общаются между собой подчеркнуто корректно, сдержанно и предельно серьезно²⁷ – чувство юмора не считается в Японии особым достоинством.

Внутригрупповые законы приоритетны перед внешними, они обычно не разглашаются и не обсуждаются вне группы. Это соотношение было заложено конфуцианским учением, которое стало впоследствии основой социальных норм в Японии. Если отец семейства нарушал закон, члены семьи имели право умолчать об этом, хотя во всех других случаях их обязывали доносить о нарушениях властям. Сегодня политики, бюрократы и бизнесмены в Японии берут и дают взятки, которые служат средством регулирования межгрупповых отношений. В японской коррупции удельный вес групповых интересов намного выше, чем в западных странах.

В японской группе все решения принимаются коллегиально, после общего обсуждения (*нэмаваси*). Высшие инстанции не принимают важных решений самостоятельно, без согласования с низшими. Как правило, проект движется снизу вверх, получая одобрение на каждом уровне (система называется *хингисэй*). Обратный порядок – исключительно редкое явление. Ни на этапе обсуждения проблемы, ни на этапе ее решения группа не считается со временем или усилиями – важен только результат, и здесь лояльность и самоотдача всех членов группы являются обязательными. Высокое качество конечного результата усилий при явной их избыточности – характерные особенности групповой деятельности японцев. Высоко оценивая постановку школьного обучения в Японии начала XX в., Н. И. Конрад, тем не менее, отмечал высокую энергоемкость школьной организации и общее несоответствие всех видов затрат получаемому результату²⁸.

В современной деловой практике российские производственные и управленческие группы (предприятия, учреждения) все чаще отходят от классического общинного образца в пользу авторитарного руководства и персональной ответственности, японские же группы продолжают сохранять важнейшие черты коллегиальности.

Если говорить в целом, то на поведенческом уровне, определяющем основные черты национального характера русских и японцев, отличий гораздо больше, чем сходств, что в значительной степени обусловлено глубокими различиями в климатических, географических и исторических условиях формирования двух цивилизаций. Широкою русскую душу привлекает все большое и масштабное, утонченную японскую –

²⁷ Подробнее об этом см.: *Дыбовский А. С.* Ритуал и игра...

²⁸ *Конрад Н. И.* Современная начальная школа в Японии. – Из журнала министерства народного образования. Спб., 1913. с. 156.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Richmond Yale.* From Nyet to Da..., p.35–37.

все аккуратно-миниатюрное. Россия и СССР известны своими социальными, экономическими, инженерными проектами мирового или континентального масштаба. Япония известна садами и парками, в уменьшенном виде воссоздающими горы, леса и реки, выращиванием миниатюрных деревьев (*бонсай*), созданием самых маленьких в мире технических устройств и т. д.

Россия и СССР не раз оказывались непосредственными участниками исторических событий глобального масштаба. Поражение от татаро-монголов и победа над Османской империей, революция 1917 г. и победа во второй мировой войне, соперничество с США и распад СССР подпитывают русский национализм и придают ему экстравертный характер с выраженным мессианским акцентом. В начале XVIII в. Россия начала осознавать себя державой мирового масштаба, способной влиять на судьбы других народов. После 1917 г. эта черта национального самосознания еще более усилилась, и продолжает оставаться таковой и сегодня.

Япония, став мировой экономической державой, лишь в последние два десятилетия приступила к освоению методов международной культурной экспансии. Но главное внимание она по-прежнему уделяет странам Юго-Восточной Азии – свидетельство того, что и сегодня эта страна осознает себя лидером регионального масштаба.

Японский национализм интровертен, он имеет преимущественно внутреннюю направленность и питается чувством почти семейной общности, единства, культурной обособленности и самобытности японцев, их традиционализмом. Единственная крупномасштабная военная экспансия на континенте в первой половине XX в. показала, что японцам трудно ориентироваться в сложной, многофакторной международной обстановке. Исследователи вообще отмечают приверженность японцев к сравнительно простым и символическим вещам и не любовь к сложным по содержанию понятиям и категориям²⁹. По мнению Накамура Хадзимэ, японцы в сравнении с другими народами более просты, честны и преданны, они менее склонны к заключению сложных политических или дипломатических сделок. В эпоху Токугава простоту, честность и искренность (в конфуцианском понимании) часто называли главными чертами японского национального характера, а суть самого *синто* усматривали в той же простоте и честности³⁰. Это мнение разделяет современный исследователь Кисимото Хидэо: «Непосредственное восприятие играет важнейшую роль в жизни японцев. Оно интроспективно и предельно конкретно. Если рассуждения при-

нимают слишком уж абстрактный характер, японец быстро теряет к ним интерес»³¹. Возможно, этой особенностью японского мышления объясняется тот факт, что Япония не дала миру таких мыслителей, как Чжу Си или Ван Янмин.

В отличие от японцев, для русских характерно стремление жить широко и ярко, не сдерживая душевных порывов и широких жестов, их привлекают контрасты и крайности. «Если уж воровать, то миллион, а влюбляться – так в королеву», «выпивать – так до бузы, а тосковать – так до слезы» и т. п. В Японии не было ничего напоминающего древнюю русскую забаву – драться «стенка на стенку» без всякого повода, просто для адреналинового удовольствия. Знакомство с этой традицией неизменно вызывает их изумление.

Когда в дело вступают чувства и эмоции, русские могут сдвигать горы и совершать подвиги, но механический, монотонный труд без дополнительной мотивации – их уязвимое место. В Японии, наоборот, высшим достоинством почитается умение держать под контролем свои мысли и чувства, избегать крайностей и контрастов, делать все методично и последовательно, помнить об интересах окружающих. Любые проявления повышенной эмоциональности нежелательны, а угроза непредсказуемого развития ситуации – испытание для японской психики.

В межличностных отношениях русские высоко ценят глубокую и бескорыстную дружбу без барьеров и ограничений, японцы же на первое место ставят личную преданность в сочетании с этикетом – его несоблюдение ведет к дисгармонии в отношениях. Об этом говорят известные японские пословицы: *ситасики ни мо рэйги ари* (и в дружбе соблюдай этикет), *ситасики ни мо каки о сэй* (и в дружбе нужны барьеры). С точки зрения японцев отношения между друзьями в России часто выходят за грань элементарной воспитанности, а русскому человеку бывает трудно отличить дружбу японцев от простой вежливости.

Японцы не умеют и не любят спорить с партнером, дискуссии и вообще публичные речи с целью кого-то в чем-то убедить – не их конек. Ревнитель ортодоксальной японской культуры Мотоори Норинага писал: «С незапамятных времен в нашей стране не принято было рассуждать даже о Пути [богов]. Классик [Какиномото-но Хитомаро] говорил: “В нашей стране бамбука и риса не вели споров со времен богов”. Не спорить – значит не разглагольствовать попусту, как это бывает в других странах»³². При возникновении конфликтной ситуации для японца естественнее уйти от спора и, взвесив все тщательно, попытаться найти приемлемый путь к компромиссу. А затем начать делать практические шаги по сближению позиций.

²⁹ Yukawa Hideki. Modern Trend in Western Civilization and Cultural Peculiarities in Japan. – Japanese Mind / Charles A. Moore. Tokyo, 1967, p. 56–59.

³⁰ Hajime Nakamura. The Way of Thinking of the Eastern People. Greenwood Press, 1960. с. 499–500.

³¹ Kishimoto Hideo. Some Japanese Cultural Traits and Religions. – Japanese Mind / Charles A. Moore. Tokyo, 1967, p. 112.

³² Hajime Nakamura. The Way of Thinking of the Eastern People, с. 471.

Помимо чувства гармонии (*ва*) такое поведение определяется соотношением двух других важнейших для японского культурного архетипа понятий: *татэмаэ* (показная внешность) и *хоннэ* (скрытая суть). *Татэмаэ* – это то, что можно, должно и уместно демонстрировать на людях. *Хоннэ* – это то, что на самом деле движет человеком и что в норме должно быть скрыто от посторонних глаз. Японцы считают, что демонстрировать *хоннэ* можно только в отдельных, особых случаях. Этим объясняется общеизвестная сдержанность японцев в проявлении таких интимных чувств как скорбь, восторг, гнев и т. д. По замечанию писателя Кунихиро Масао, японцам свойственна особая «эстетика умолчания», возвышающая скрытые, невысказанные чувства, и делающая вульгарным их вербальное выражение³³.

Незнакомым с японской культурой русским такое поведение в неординарных ситуациях может быть непонятно и восприниматься как признак слабости или даже недалекости, а сдержанность в проявлении чувств может быть истолкована как черствость или бесчувственность. Японцев же, наоборот, искренне удивляет готовность русских высказывать свои мысли и чувства по любому поводу и без особых церемоний. Кому-то такая открытость нравится, кому-то – нет. Во всяком случае, в прошлом излишне откровенных по японским меркам людей, не разграничивающих *татэмаэ* и *хоннэ*, осуждали жестко, говоря, что такой человек «подобен жабе – открывает рот и все внутренности видно». В России же, наоборот, всегда осуждали людей, которые думают одно, а говорят другое, называя их лицемерами.

В Японии мало известно о глубинных особенностях русского менталитета. Серьезных исследований на эту тему нет. Причиной тому не только невысокий, и в целом поверхностный уровень двусторонних культурных связей, но и слабость японцев в обращении с такими сложными и многомерными категориями, как культура и менталитет другого народа.

Русские военные моряки, появившиеся в Японии в середине XIX в., удивили японцев широтой практических знаний и навыков, а также неуемным духом первооткрывателей. Современная японская русистика наделяет русский национальный характер следующими отличительными чертами: 1) выносливость и терпение (русские могут работать в неблагоприятных условиях); 2) эмоциональная открытость; 3) простота в поведении и общении (не склонны к соблюдению этикетных норм); 4) веселый нрав и оптимизм³⁴; 5) безалаберность и непунктуальность, пренебрежение к мелким деталям; 6) бесцеремонность, а порой

и суровость в отношениях между людьми³⁵; 7) государственный патриотизм (ревностно отстаивают интересы родины)³⁶.

По мнению японцев, главными отличительными чертами японского характера в глазах русских являются: 1) трудолюбие и старательность; 2) вежливость и предупредительность; 3) пунктуальность и внимание к деталям; 4) умеренность и сдержанность³⁷.

Важно отметить, что все названные свойства следует воспринимать, прежде всего, в их денотативно-содержательном смысле, по возможности абстрагируясь от коннотативно-оценочных характеристик, так как одно и то же базовое качество может определять диаметрально противоположные черты характера или поведения. Например, свойственное японцам повышенное внимание к деталям может на практике обернуться как банальной мелочностью, так и замечательным перфекционизмом в ремесле или искусстве. Слабость логического мышления и нелюбовь к абстрактным понятиям могут трактоваться как антиинтеллектуальность (западное определение)³⁸, или как «экономия мысли» (японская трактовка)³⁹. А пресловутая широта русского характера лежит в основе не только щедрости и великодушия, но в такой же степени – безалаберности и бесцеремонности.

А какие моральные качества больше всего ценят в себе сами японцы? Согласно опросам, первая пятерка главных человеческих достоинств выглядит так: 1) добросердечность (*синсэцу*) – 75%; 2) сила характера (*кондзё*) – 58%; 3) безукоризненное поведение – 53% (*хинко хосэй*); 4) серьезность (*мадзимэ*) – 50%; 5) трудовая дисциплина (*мукэкин* – буквально отсутствие прогулов – 25%. Интересно, что корректное поведение (читай: этикет) ценится больше, чем серьезность. Наихудшими привычками и чертами характера японцы считают следующие: 1) токсикоманию (*синна асоби*) – 77%; 2) лживость (*гомасури*) – 62%; 3) половую распущенность (*фури сэксу*) – 40%; 4) равнодушие (*муансин*) – 40%; 5) индивидуализм (*кодзинсюги*) – 39%⁴⁰. В этом перечне обращает на себя внимание эклектичность, с которой в один список попали столь разные человеческие привычки и черты характера – токсикомания и лжест, половая распущенность и равнодушие, добросердечность и отсутствие прогулов. Это подтверждает существующее мнение о том, что эклектичность свойственна не только религиозному чувству, но

³⁵ Эта черта понимается как отсутствие в русской культуре специфической японской категории *амаэ* (забота, предупредительность, учет интересов, вкусов, слабостей партнера и снисходительное к ним отношение).

³⁶ *Тэратани Хироми*. Нихондзин то росиядзин – коко га отиган (Японцы и русские: вот в чем главные отличия). Нэсуко, 1990. с. 28–33.

³⁷ Там же, с. 35–37.

³⁸ *Moore Charles A.* The Enigmatic Japanese Mind, p.290–291.

³⁹ *Такэути Ясую*. Нихондзин-расиса то ва нани ка, с. 72.

⁴⁰ Нихондзин-но катикан (Моральные ценности японцев). Сисэйдо, 1970. с. 15.

³³ *March Robert M.* Reading «The Japanese Mind». Tokyo, 1996. p. 42.

³⁴ Интересно, что, по мнению американцев, русскому архетипу, наоборот, свойствен глубокий пессимизм (русская тоска, хандра). См.: *Richmond Yale*. From Nyet to Da..., p. 42–45.

также мировосприятию и мышлению японцев вообще⁴¹. Правда, сами японцы склонны считать такое отношение к жизни не эклектичным, а гармоничным.

Вероятно, не будет ошибкой считать, что в целом русский и японский культурные архетипы оппозиционны друг другу, хотя имеют некоторые отмеченные выше общие черты, по которым они противопоставляются евро-американской культурной традиции. Русские в первую очередь обращают внимание на множественные объекты, японцы – на единичные. Там, где русский видит лес, глаз японца выделяет дерево или отдельную ветку. Взгляд русского человека притягивает линия горизонта, японец смотрит себе под ноги («дальнозоркость» и «близорукость» взгляда по определению А. Н. Мещерякова⁴²). Для русского важнее всего ухватить суть и решить задачу в принципе, на детали он обращает гораздо меньше внимания. Вероятно, это одна из причин того, что российские законы нередко либо остаются на бумаге, либо работают не так, как задумано. Японца же больше привлекает именно обдумывание и шлифовка деталей. Русские умеют оригинально рассуждать и вести глубокие дискуссии – японцы сильны в практических действиях. Русские хорошо чувствуют себя в нестандартных ситуациях, требующих повышенного эмоционального тонуса и импровизационных решений, – японцы великолепно справляются с рутинной работой, требующей внимания и тщательности. Русские склонны пренебрегать установленными нормами, когда это выгодно или целесообразно, а для японца точное выполнение предписаний составляет лучшую часть его жизни. Японцев удивляет легкость, с которой русский человек может отдать последнее нуждающемуся, и в то же время позаимствовать в нужный ему момент чужую вещь (сигареты, телефон, мелкие деньги) – здесь налицо глубокие различия в поведенческих стереотипах и моральных нормах двух этносов. Их преодоление затрудняется обоюдно плохим знанием этнокультурных реалий и давлением стереотипов с обеих сторон.

Полтора столетия сложных, по большей части напряженных отношений между двумя странами внесли свой негативный вклад в дисбаланс сегодняшнего взаимного восприятия друг друга. По данным опросов, проведенных ВЦИОМ и Левада-Центром во втором полугодии 2005 г., хорошо или очень хорошо относятся к Японии от 66% до 72% россиян, плохо – от 18% до 16% соответственно⁴³. В Японии картина противоположная. О своей симпатии к России заявили 16%, об антипатии – 78% японских респондентов. В этом регионе хуже, чем к России, японцы относятся только к бывшим среднеазиатским республикам СССР и ближневосточным странам⁴⁴.

После 1945 г. средства массовой информации в обеих странах долгое время создавали и поддерживали в лице соседа образ врага. В СССР пропаганда носила преимущественно политический характер – она в первую очередь была направлена против Японо-американского договора безопасности и возрождения японского милитаризма. Культура и образ жизни японцев особой критике не подвергались. В японской пропаганде центральное место официально занимала территориальная проблема, но на ее основе был создан тотально негативный фон для восприятия всего, что связано с Советским Союзом. После распада СССР негативное влияние СМИ в России сошло на нет, в Японии же территориальные претензии приобрели еще более жесткий характер. При этом никакой положительной информации о нашей стране в японских СМИ по-прежнему нет. Так что приведенные выше результаты вполне закономерны.

Есть и другая причина культурологического свойства. Как показали недавние опросы общественного мнения, русские и японцы неодинаково относятся к информации, получаемой от своих СМИ. В России газетам, журналам и телевидению полностью или частично доверяют всего 37,6% населения, в то время как в Японии эта цифра почти в 2 раза выше – 67,7%⁴⁵. Следовательно, даже в СССР эффективность СМИ в деле создания образа врага была ниже, чем в сегодняшней Японии. Это достаточно существенный фактор, которым не стоит пренебрегать.

Даже после решения самой острой на сегодняшний день территориальной проблемы потребуется еще немало времени и усилий, чтобы преодолеть сложившиеся идейно-политические предрассудки и межкультурные различия между народами России и Японии. В этом плане особая ответственность возлагается на профессионалов – деятелей науки, культуры и образования, хорошо знающих особенности национального характера и менталитета соседнего народа. Глубокое и доброжелательное изучение друг друга, широкая публикация результатов таких исследований и формирование положительного общественного мнения в обеих странах – единственный путь, который может привести к улучшению взаимного восприятия и поиску новых точек соприкосновения между соседями, представляющими столь разные, но в чем-то и схожие цивилизации.

Заключение

Итак, сопоставление русского и японского этнокультурных архетипов является сложной и многоаспектной задачей, а его результат зависит от многих факторов, в том числе и от чисто внешних. При сопоставлении с евро-американской культурной традицией между русским и японским архетипами обнаруживается немало сходных черт, изолированное же сравнение дает основания для их противопоставления.

⁴¹ См.: Moore Charles A. The Enigmatic Japanese Mind, p.295.

⁴² Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб., 2002. с. 24.

⁴³ ВЦИОМ. Пресс-выпуск, № 342, 21.11.2005; Левада-Центр. Пресс-выпуск, август 2005.

⁴⁴ Mansfield Foundation. Asian Opinion Poll Database, October 2004.

⁴⁵ Такахаси Тору. Нихиндзин-но катикан. Сэкай ранкинг, 2003. с. 189–191.

На цивилизационном уровне Россия и Япония имеют универсальные общие черты, свойственные и другим цивилизациям: реципиентный характер, традиционализм, устойчивость основных параметров национального культурного архетипа.

На государственном уровне обнаруживаются как сходства, так и различия. Последние продиктованы разными историческими, географическими и климатическими условиями формирования государственности и их значительно больше. Общими чертами являются государственный патернализм и поддержка национальной культуры, считающейся общественным достоянием. Для обеих социальных систем характерен сравнительно высокий удельный вес групповых интересов и группового мнения в поведении индивида. Главные различия: основные функции государственной власти, роль и значение религии в жизни общества, жесткость социальной иерархии.

На индивидуально-поведенческом уровне между русскими и японцами преобладают различия. Они весьма многочисленны, имеют более частный характер и отражают специфику мировоззренческой этики двух этносов. Русский архетип демонстрирует преимущественно экстравертный, японский – преимущественно интровертный тип мировоззрения и поведения. Обнаруживаемые на этом уровне общие черты и отличия, по-видимому, и должны стать главным объектом сравнительного анализа двух этнокультурных архетипов.

Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке

Ю. Д. Михайлова

В современном цивилизованном мире внешняя политика государств не может проводиться без учета общественного мнения. Политические деятели нередко выступают заказчиками опросов, призванных оценить отношение общественности к различным сценариям развития событий на международной арене и в переговорах с зарубежными партнерами зачастую мотивируют свои позиции ссылками на общественное мнение. Если в бывшем СССР внешнеполитическая деятельность практически никак не зависела от позиций рядовых членов общества и, наоборот, общественное мнение подвергалось целенаправленной пропаганде «сверху», то в настоящее время в России существуют многочисленные социологические центры и агентства, регулярно отслеживающие представления россиян о внешнеполитических партнерах страны и проблемах внешней политики. Вместе с тем это не означает, что внешнеполитический курс правительства России полностью зависит от мнения граждан страны. Показательно, что во время встречи в январе 2003 г. В. Путин и Дз. Коидзуми договорились продолжать «усилия по разъяснению общественности обеих стран о важности заключения мирного договора и поступательного развития двусторонних отношений во всех областях».

Наиболее регулярно опросы общественного мнения по Японии и российско-японским отношениям проводятся Фондом «общественное мнение»¹. В конце 90-х годов в центре внимания ФОМа находился так называемый территориальный вопрос, а именно осведомленность о нем жителей России и их представления о возможностях его разрешения. В 2001 г. ФОМ запустил проект «Геополитика. Япония», в котором круг вопросов был расширен и стал включать мнения россиян об этой стране вообще. Другим важным центром социологических опросов по Японии является Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока во Владивостоке². В соответствии с геогра-

¹ <http://bd.fom.ru/cat/frontier/countries/Japan>

² Данные опросов, проводившихся в этом институте, были представлены на совместных российско-японских симпозиумах, проводившихся в Киото в 2004 и 2006 гг.: Ларин В. Л. Японский фактор в развитии Тихоокеанской России на рубеже веков: Ларина Л. Л. Соседние страны в представлениях молодежи Приморского края.